

РАЗВОД

Только (не) ты

Ольга Белозубова

Ольга Белозубова

Развод. Только (не) ты

<https://litres.ru/74212619>

Аннотация

— Так и будешь молчать? — Я смотрю на руки мужа, до боли знакомые, с выпуклыми венами и шрамом на левом запястье. Господи, сколько раз я целовала этот шрам... — Что ты хочешь услышать? — Он раздраженно откидывается в кресле, всем своим видом показывая, как его утомляет этот разговор. — Двадцать три года, Андрей. Я просто хочу понять — почему? Почему сейчас? Почему она? — Ты правда хочешь знать? — жестко усмехается он. — Потому что рядом с ней я чувствую себя живым. Понимаешь? Живым! Не главой семейства, не кормильцем, не твоим вечным должником за то, что выходила меня после аварии. — А рядом со мной, значит... — Я не могу закончить фразу, горло перехватывает. — Рядом с тобой? Я задыхаюсь от этого болота! Только и слышу: «Помнишь, как мы?..», «А помнишь, когда?..» Всё это — прошлое, Ань. Всё. — А наши дети? — Я с трудом сдерживаю дрожь в голосе. — А я? — Дети выросли. А ты... — Андрей холодно смотрит сквозь меня, будто я уже пустое место. — Ты справишься. В конце концов, развод — это не конец света. *** После двадцати трех лет брака я была уверена: моя любовь с мужем нерушима. За плечами целая жизнь — воспитание детей, совместное преодоление всех невзгод, тяжелая

борьба за его жизнь и здоровье после страшной аварии. Я думала, теперь впереди много счастливых лет вместе. А оказалось...

Однотомник, ХЭ

Содержание

Глава 1. (Не)обычный заказ	5
Глава 2. Сладкая интрижка	11
Визуализация	17
Глава 3. Притворись, что не знаешь	18
Глава 4. Некрасиво	25
Глава 5. (Не)знакомое лицо	30
Глава 6. Что ты хочешь услышать?	34
Глава 7. У меня теперь новая жизнь	39
Глава 8. Ты отдашь его ей?	43
Глава 9. На надежде далеко не уедешь	48
Глава 10. Знак	54
Глава 11. Что у нас на ужин?	58
Глава 12. Радужный прием	62
Глава 13. Факты	67
Глава 14. Хочешь мира — готовься к войне	71
Глава 15. (Не)взаимное соглашение	76
Глава 16. Ты следишь за моей жизнью?	81
Глава 17. Передышка	86
Конец ознакомительного фрагмента.	87

Глава 1. (Не)обычный заказ

— Почему мужчины изменяют? — раздается из динамиков звонкий голос ведущего. — Сегодня поговорим об этом с известным психологом, Михаилом Ла...

Я переключаю радио на другую волну, на секунду отвлекаясь от дороги.

— Ну почему выключила? — недовольно цокает Лара, моя сестра-двойняшка.

— А зачем тебе это слушать? Славик в тебе души не чает. Или... — кидаю на нее быстрый взгляд, — я что-то пропустила? Ты что, подозреваешь его в чем-то?

— Не говори глупостей, — машет рукой сестра. — Я своего мужа ни в чем не подозреваю, просто интересно. Ладно, проехали.

Лариса достает из сумочки помаду и зеркало, подкрашивает губы, а потом как ни в чем не бывало начинает подпевать известной артистке.

Зато я теперь не могу сосредоточиться на музыке, потому что сестра как-то особенно выделила «своего мужа».

Меня так и тянет спросить у нее, к чему бы это, но ведь если сама не захочет, ни за что не скажет. Так всегда было.

В итоге решаю не портить себе настроение ненужными размышлениями, потому что я тоже ни в чем не подозреваю своего мужа.

Да и с чего бы вдруг?

Мы в браке уже двадцать три года, и за это время у нас чего только ни случилось. Одно не меняется — наша любовь друг к другу. До сих пор, когда смотрю на Андрея, мое сердце замирает, как и в день нашей первой встречи.

Пять лет назад я чуть его не потеряла. До сих пор просыпаюсь иногда в холодном поту, когда снится тот страшный звонок и слова: «Ваш муж в реанимации».

Андрей попал в аварию не по своей вине, и для меня начался ад на земле. Целый месяц он лежал в коме, и врачи не давали гарантий, что он очнется.

«Остается только ждать. Организм здоровый, должен справиться», — утешали меня они, а сами при этом отводили взгляд в сторону.

Медсестры уже знали меня по имени — я практически жила в больнице. Держала мужа за руку, такую непривычно безжизненную, рассказывала о наших дочках, о том, как мы все его ждем, умоляла открыть глаза, вернуться ко мне.

И он вернулся.

Но пока лежал, прикованный к кровати, его партнер перевел на себя все активы, вдобавок повесив на Андрея долги.

Будто мало этого, врачи поставили неутешительный диагноз: муж вряд ли будет ходить.

Я с жаром возразила: «Будет. Еще как будет!»

Мы переехали в квартиру поменьше, а дом, вторую машину и мои драгоценности я продала, чтобы закрыть дол-

ги. Оставила себе лишь обручальное кольцо — попросту не смогла с ним расстаться.

Из-за нехватки денег я ухаживала за мужем сама — днем. А по ночам, когда Андрей засыпал, шла на кухню печь торты. Вот где мнегодились мои навыки кондитера.

Я с грустью вспоминала, как Андрей посмеивался над моим увлечением. «Ну зачем тебе это, разве нам не хватает денег?»

Денег и правда хватало, просто мне это нравилось еще с детства.

Правда, после аварии пришлось превратить хобби в настоящее дело. Спасибо дочкам, Ладе и Кате — они помогли оформить страницы в соцсетях, загрузили контент, и дело внезапно пошло-поехало, да еще как.

Руки уже автоматически замешивали тесто, взбивали крем, собирали коржи, пока в голове крутились мысли о здоровье мужа, о долгах, о будущем.

Я валилась с ног от усталости, но ни единого разу не пожаловалась. Иногда украдкой плакала, но только когда никто не видел — при Андрее и детях я всегда улыбалась и говорила, что все будет хорошо.

Главное, муж был со мной. Живой. Помню, как он сделал свой второй первый шаг после операции. Пожалуй, я радовалась больше, чем первым шагам дочерей.

Даже сейчас, за рулем, невольно улыбаюсь, думая о нем. Мой любимый мужчина снова такой же, как и прежде, —

высокий, статный, с широкими плечами и немного пружинящей походкой. Когда он улыбается, вокруг глаз изумительно-го янтарно-орехового цвета собираются уже заметные морщинки. Но как по мне, возраст и седина делают его еще привлекательнее, придают какой-то особый шарм.

Он вернул себе бизнес, и мы снова переехали в большой просторный дом. Я каждый день благодарю судьбу за то, что он рядом. За то, что мы справились.

Однако печь торты я не бросила, и сейчас везу очередного красавца новой клиентке.

Сестра была у меня в гостях, и я решила подбросить ее домой — все равно по пути.

Вскоре я торможу на остановке, и Лариса вылезает из машины, посылает мне воздушный поцелуй и бросает:

— Жду тебя завтра.

Едва за ней успевает закрыться дверь, как раздается звонок. На экране мобильного всплывает фото мужа.

— Да, любимый, — отвечаю.

Андрей вздыхает в трубку:

— Ань, я немного задержусь, клиент опаздывает. Но как только закончу с ним, сразу домой. Я все помню, — заговорщицким тоном добавляет он.

— Хорошо, буду ждать, — цвету улыбкой я.

Надо же, я-то думала, на этот раз муж забыл. Мы уже несколько лет отмечаем дату его второго рождения — когда он вышел из комы. Обычно собираемся вчетвером: я, он и

дочки. Сегодня тоже отметим это событие все вместе.

Через полчаса я паркую машину во дворе нужного дома, достаю из багажника тщательно зафиксированный торт и иду внутрь.

Дверь открывает молодая девушка, которую зовут Ника. Стройная, темноволосая и очень красивая. Ее точеную фигуру подчеркивает красное платье.

На вид ей не больше тридцати. Точнее, двадцать восемь — именно эта цифра красуется на ее бисквитном торте с черничным чизкейком.

— Анна, проходите, пожалуйста, — улыбается она, оголяя белоснежные зубы.

Я вхожу, протягиваю ей коробку с тортом и поздравляю с днем рождения.

Откуда-то из квартиры выходит мейн-кун серо-дымчатого цвета, зевает во всю пасть и лениво скрывается.

— Спасибо, — благодарит меня именинница и охает. — Ой, какая красота! В жизни торт даже лучше, чем на фото. Анна, можно вас попросить кое о чем?

— Можно, — киваю.

— Вы не могли бы поставить торт на стол на кухне и освободить от коробки? Будет очень обидно, если я нечаянно снесу декор.

— Да, конечно.

— Отлично, спасибо! У меня как раз и бахилы есть.

Ника достает их из ящика, дожидается, пока я их надену,

а затем ведет меня по квартире с современным дизайном до кухни.

— Вот подставка под торт, — показывает. — Ой, подождите, сейчас я протру стол, а то тут какие-то крошки.

Она суетится у стола, и наконец кивает:

— Готово.

Стоит мне водрузить мое творение на стол, как раздается звонок в дверь.

— Я сейчас вернусь, — бросает именинница и скрывается из вида.

Я успеваю переместить торт на подставку, проверить, все ли в порядке, убрать коробку на пол, а ее все нет.

Уж не забыла ли она про меня? В итоге решаю выйти в прихожую, не дожидаясь хозяйки.

Выворачиваю из-за угла и... земля уходит из-под ног.

В первую секунду мне кажется, что я сплю, — настолько нереальным выглядит происходящее. Но нет, это не сон.

Мой муж, мой Андрей, действительно прижимает к себе эту девушку в красном платье и целует ее с такой страстью, словно они одни во вселенной. Его руки скользят по ее талии, а потом все ниже и ниже...

Глава 2. Сладкая интрижка

Анна

Реальность искажается, словно я смотрю на происходящее через кривое зеркало. Может, если зажмуриться и открыть глаза, все исчезнет? Но нет — картина остается прежней.

Горячая волна ударяет в голову, перед глазами все плывет. В груди что-то обрывается и падает в бездонную пропасть. Каждый вдох дается с трудом, будто легкие забыли, как работать.

Сердце колотится так сильно, что, кажется, вот-вот выпрыгнет из груди. В висках стучит кровь, а во рту пересохло настолько, что язык будто прилип к нёбу.

Хочется закричать, но голос пропал.

Хочется убежать, но ноги словно вросли в пол.

Хочется этого не видеть, но взгляд будто приклеился к этой парочке.

Комната начинает кружиться, и мне приходится опереться о стену, чтобы не упасть. Колени подгибаются, а к горлу подступает тошнота.

Я так и стою, парализованная этой картиной. Чувствую, как по щекам катятся горячие слезы. Двадцать три года совместной жизни рассыпаются на осколки прямо у меня на глазах.

А они... они даже не замечают моего присутствия! Их тяжелое дыхание добивает меня окончательно.

В голове вихрем проносятся воспоминания: улыбка Андрея этим утром, поцелуй перед уходом на работу, сообщение «люблю тебя»...

В конце концов с моих губ срывается жалкий хрип:
— Андрей...

Муж открывает глаза, все еще продолжая целовать эту девицу.

Он отрывается от нее лишь спустя несколько показавшихся мне вечностью секунд, а затем переводит ошарашенный взгляд с меня на свою любовницу и обратно.

— О боже... — Я отступаю на шаг и закрываю рот ладонью. — Боже мой... Ты...

Она тоже оборачивается, и на ее лице появляется растерянность.

— Нет-нет-нет... — мотаю головой, словно мои слова могут отменить то, что я увидела.

— Аня... — начинает муж, но я обрываю его на полуслове.

— Ты сейчас расскажешь мне, — мой голос дрожит, но я изо всех сил стараюсь держать себя в руках, — что оказался тут случайно? Не надо... Это... это и есть твой клиент, да? Это у вас на фирме сервис такой? За опоздание директор лично выдает страстные поцелуи с доставкой на дом?

Андрей морщится, делает шаг в мою сторону:

— Давай поговорим.

Я отшатываюсь от него, ударяясь плечом о стену.

— О чем? — внутренности сжимаются, и я едва слышно шепчу: — Как ты мог, Андрей?

Он что-то говорит, но в голове начинает так дико, отчаянно звенеть, что я различаю лишь движение его губ.

Да и что он может сказать, кроме нелепых оправданий?

Не хочу их слышать.

Не могу.

Не сейчас.

Слезы душат меня, к горлу подступает новый приступ тошноты, но я продолжаю:

— Там... там на кухне торт. Надеюсь, он такой же сладкий, как ваша интрижка.

Любовница мужа начинает что-то говорить, но я уже не слушаю, иду к выходу.

— Стой! — Андрей хватает меня за руку, но я вырываюсь и отталкиваю его.

Вылетаю из квартиры, захлопывая за собой дверь.

Только выбежав из подъезда, вспоминаю, что на мне до сих пор бахилы. Яростно срываю их с обуви и бросаю в урну. Туда же, видимо, катится и моя семейная жизнь.

Несусь к машине и выезжаю на дорогу, только после этого позволяя себе окончательно расклеиться и разрыдаться.

Телефон вибрирует — Андрей пытается дозвониться. Я не отвечаю.

Он звонит еще, и еще. И еще. Я со злостью отключаю со-
товый и бросаю его на пассажирское сиденье.

В голове мешанина мыслей, и я на всю врубаю радио. Это не помогает — музыка размывается в сплошной белый шум, а перед глазами все еще стоит эта картина: Андрей и она, в этом своем вызывающем красном платье.

Двадцать три года. Почти четверть века вместе. Я была уверена: мы с Андреем созданы друг для друга. У нас две прекрасные дочери. Я строила нашу жизнь по кирпичику, вкладывала всю душу... Я помню каждую морщинку на его лице, каждую родинку, каждый шрам...

А он просто взял и разрушил все одним махом. И что теперь? Куда мне деть все эти воспоминания? Как стереть из памяти каждое «доброе утро», каждое объятие, каждый совместный завтрак? Они превратились в пепел, в горькую насмешку над моей глупой убежденностью в его верности.

Когда Андрей решил, что нашей любви, нашей истории ему недостаточно? Когда начал искать кого-то на стороне?

И хуже всего, что я ничего не подозревала. Ни-че-го. Была уверена: уж кто-кто, а мой Андрей меня не предаст. Только не он.

Была только одна странность, которую я подметила пару недель назад: наш маламут Арс начал иногда рычать на Андрея, когда тот возвращался с работы.

Я все гадала, с чего вдруг пес, отчаянно любящий мужа, ведет себя так странно.

В итоге решила, что ему просто не хватает внимания хозяина. А теперь все поняла.

У этой девицы есть кот, и Арс просто реагировал на его запах.

Значит, Андрей с ней всего несколько недель? Тут же качаю головой. Нет, с таким же успехом этот кот просто мог появиться у его любовницы именно несколько недель назад.

«Почему мужчины изменяют?» — издевательски всплывает в голове тот самый голос радио-ведущего, и из глаз вырывается новая порция слез.

Я смахиваю их тыльной стороной ладони и жалобно всхлипываю.

А когда наконец подъезжаю к дому, вижу, что джип Андрея уже на месте.

Как он успел обогнать меня?

Я выскальзываю из машины и практически бегу в дом.

Позади хлопает дверь его джипа, и до меня доносится громкий голос:

— Да подожди же ты!

Куда там, меня не остановить.

В итоге муж нагоняет меня только у самой двери, и мы вместе вваливаемся внутрь.

Резко включается свет, раздаются хлопки, и меня с Андреем осыпают яркие ленты и конфетти из хлопушек.

— Поздравляем! — раздаются веселые голоса дочерей.

Их улыбки быстро меркнут, и они растерянно смотрят то

на заплаканную меня, то на хмурого отца.

— Мам? — подает голос Лада.

— Пап? — вторит ей Катя. — Что случилось?

Визуализация

Анна Державина, 42 года. Любящая жена, заботливая мама и искусный кондитер

Андрей Державин, 46 лет. Бизнесмен, муж Анны, который оказался на волосок от смерти, но вернулся к жизни и снова в строю

Дочь Андрея и Анны, Лада, 22 года

Дочь Андрея и Анны, Катя, 20 лет, с семейной собакой Арсом (милый щенок уже вырос и превратился во внушительного вида и размеров маламута)

Ника, 28 лет. Темная лошадка и любовница Андрея

Глава 3. Притворись, что не знаешь

Анна

Я смотрю на дочек, и сердце болезненно сжимается.

Мои девочки... Такие красивые, такие счастливые.

Они так старались помочь с праздником: воздушные шары, растяжка с поздравлениями на стене. Даже что-то приготавливали сами, судя по легкому запаху горелого из кухни.

Вот и что мне сейчас делать? Разрушить их мир одной только фразой?

Прямо сказать, в чем причина моих слез? Что их отец, которого они обожают, только что целовал другую женщину прямо у меня на глазах? Да еще с таким пылом...

А я... я еще ей и торт привезла!

Желудок сводит от ярко вспыхнувшей в памяти картинки случившегося.

Нет, я не имею права втягивать их в это болото. Это наши с Андреем проблемы. Моя боль.

Сначала мы должны сами разобраться во всем, потом уж и поставлю их в известность.

Вот только как сидеть за одним столом с мужем и делать вид, что ничего не случилось? У меня не получится притворяться счастливой женой. К тому же нет ни малейшего же-

ления это делать.

Я лихорадочно соображаю, что сказать по поводу моего состояния и как отменить наш ужин.

— Девочки, — вдруг подает голос муж, и я вздрагиваю от его хриплого голоса. — Мама расстроилась из-за программы по радио. Вы же знаете, какая она у нас порой сентиментальная. Там рассказывали такую душещипательную историю, что даже меня за душу взяло.

Андрей хватает меня за локоть и бросает на меня быстрый взгляд, в котором читается предупреждение: молчи.

Я отвечаю ему таким же взглядом: отпусти. Однако он не отпускает — лишь немного ослабляет хватку. И главное, стоит улыбается дочерям как ни чем не бывало!

Меня берет зло — надо же, как быстро сориентировался, с ходу придумал оправдание. Видимо, поднабрался опыта, пока крутил шашни за моей спиной.

Даже учел, что у нас высокие ворота, и девочки не видели, что мы приехали по отдельности.

— Что за история, пап? — оживает Ладa.

— Давайте обсудим это позже, — мягко прерывает он. — Сегодня у нас праздник, верно? И, кажется, я чувствую запах горелого...

— Ой, это торт! Мы решили испечь его сами. Наверное, немного подгорел, — вскрикивает Катя, немного краснея, и бросается на кухню.

Ладa спешит за ней.

Андрей поворачивается ко мне.

— Иди и приведи себя в порядок. Эти потеки туши тебя не красят, — приказывает, — а потом спускайся к нам. Дочери ждут. И не вздумай ляпнуть им о том, что случилось.

— Ты шутишь? — ошалело пялюсь на него.

— Разве похоже на то, что я шучу? — темнеет его взгляд.

— Я не собираюсь сидеть с тобой за одним столом! — шиплю.

— Еще сегодня утром спокойно сидела.

Я смотрю на мужа в полном шоке. Поверить не могу, что он это серьезно.

— Этим утром я не знала... — начинаю, но он прерывает меня:

— Вот и притворись, что не знаешь. Не порти мне семейный ужин.

Мои брови взлетают почти до линии роста волос.

«Не порти МНЕ семейный ужин?»

Мой голос дрожит, но я продолжаю яростно шептать, чтобы не услышали девочки.

— Значит, это ТВОЙ семейный ужин? А я что, просто декорация на заднем плане? — Я аж задыхаюсь от возмущения. — Ты правда думаешь, что можно как ни в чем не бывало требовать от меня изображать счастливую жену после того, как целовал другую женщину?

На кухне что-то звякает, и я невольно бросаю взгляд в ту сторону. Катя с Ладой о чем-то увлеченно спорят, гремя по-

судой.

— Мы не будем обсуждать это сейчас, — осаждает меня Андрей безапелляционным тоном. — Ты просто успокойсь-ся и пойдешь на кухню. Подумай о девочках, они ждали этого вечера.

И вроде бы муж просит о том, о чем я и сама думала несколько минут назад: не вмешивать дочек, вот только мотивы у нас совершенно разные.

Ему, в отличие от меня, явно ничего не мешает использовать их в своих целях. Например, чтобы манипулировать мной.

— Ты же не хочешь все испортить? — продолжает муж.

— Это ты все испортил, не я! И тебе еще хватает совести прикрываться детьми?

— Тише! Мы поговорим позже. Одни. Или ты действительно хочешь подключить их к нашим разборкам? — хмыкает муж, игнорируя первую часть моей фразы. — Я думал, в тебе достаточно мудрости, чтобы этого не делать.

— Мудрости? — взлетают мои брови. — А в чем мудрость-то? В том, чтобы прикрывать твои похождения?

Андрей прищуривается, и его ноздри с шумом раздуваются.

Я расправляю плечи и чувствую, как изнутри поднимается волна холодной ярости.

— Я не стану делать вид, что все в порядке. Не стану улыбаться и притворяться. Скажу девочкам, что плохо себя чув-

ствую — что, в общем-то, правда — и поднимусь к себе. А ты... ты можешь наслаждаться СВОИМ семейным ужином. А потом мы поговорим.

— Мам, пап! — доносится с кухни голос Лады. — Идите сюда! Мы с Катей спасли торт.

— Иду, солнышко, — отзываюсь я, и мой голос звучит почти нормально. Потом поворачиваюсь к мужу: — И даже не пытайся меня остановить.

Я огибаю Андрея и вхожу на кухню.

— Девочки, у меня ужасно разболелась голова. Я прилягу, хорошо?

— Мам, а как же праздник? — расстроено тянет Катя.

— Милая, я, правда, не очень хорошо себя чувствую.

— Ну ла-а-адно, — вздыхает Катя.

Я целую ее в макушку, потом обнимаю Ладу.

— Торт выглядит замечательно. Вы у меня такие умницы!

Уже в коридоре я слышу, как Андрей что-то говорит дочерям. Наверное, снова сочиняет очередную историю.

Ну да, у него это отлично получается.

Я медленно поднимаюсь по лестнице на второй этаж, а ноги будто налились свинцом, и каждый шаг дается с трудом.

В висках стучит, а перед глазами все плывет. Двадцать три года... Двадцать три года совместной жизни душа в душу. И что теперь?

Я захожу в спальню и без сил опускаюсь на *нашу* кровать.

В голове против воли всплывают воспоминания: вот мы

выбираем эту самую кровать, смеемся...

Господи, как же больно! Словно кто-то вонзил нож прямо в сердце и медленно проворачивает его.

Подушка пахнет его одеколоном. Этот запах, такой родной, теперь вызывает только тошноту. Я резко переворачиваю подушку другой стороной и утыкаюсь в нее лицом.

Как же глупо все получилось! Я ведь даже не должна была увидеть его с любовницей. Просто привезла клиентке заказ, как это часто бывало.

Андрей и не подозревал, что именно сегодня его тайна раскроется из-за случайного совпадения. Или знал? Может, специально подстроил все это? Нет, нет, я схожу с ума...

Скорее уж, его любовнице надоела ее роль, и она решила выйти из тени. Только стала бы она это делать, если бы муж ей ничего не обещал? Вот уж вряд ли...

Внутренности покрываются ледяной коркой. Неужели я стала той самой женой, с которой муж «давно живет как сосед, разумеется, не спит и не уходит только из-за какой болезни, то есть из жалости»?

Я сажусь на кровати, обхватывая себя руками, словно пытаюсь удержать развалившийся на части мир. Мир, в котором я счастливо замужем.

Взгляд падает на фотографию на прикроватной тумбочке — на ней кадр с нашей свадьбы.

Я давлю в себе желание схватить рамку и с размаху запустить ее в стену — нельзя, дочки внизу точно услышат.

Вместо этого встаю и иду в ванную комнату. Смотрю на себя в зеркало и криво усмехаюсь: м-да, видок у меня еще тот. Глаза покраснели и припухли, на щеках черные подтеки от туши. И морщинки вокруг глаз будто стали отчетливее.

Я умываюсь, привожу себя в порядок и едва успеваю переодеться, как раздается негромкий стук в дверь. В проеме возникает Лада со стаканом и каким-то блистером в руке.

— Мам, я принесла тебе водички и таблеток.

— Спасибо, моя хорошая.

Я беру стакан и делаю пару глотков, присаживаясь на кровать.

— А таблетки? — Лада кивает на блистер.

— Не надо, — качаю головой.

— Так тебе уже лучше? Может, тогда спустишься хоть ненадолго? Папа расстроился, сказал, некрасиво получилось — мы же специально собрались все вместе.

Я несколько секунд не мигая смотрю на дочь, переваривая ее слова.

Некрасиво получилось, значит?

— А знаешь, — встаю, поджимая губы. — Пойдем.

Глава 4. Некрасиво

Анна

Я выхожу из спальни вместе с Ладой, а саму аж потряхивает от боли, обиды и злости. Внутри все горит, будто кто-то вылил в грудную клетку кипяток. Каждый вдох дается с трудом, словно воздух превратился в битое стекло.

Перед глазами снова и снова всплывает эта мерзкая сцена: руки Андрея на чужой талии, их вздохи, полные страсти... Несколько часов назад муж переспал бы с этой девицей, если бы их не застукала.

А теперь как ни в чем не бывало сидит внизу и играет роль добропорядочного человека, заботливого отца.

Судя по его поведению, он ни капли не раскаивается.

Уму непостижимо.

В висках стучит от несправедливости происходящего. Вместо извинений, попыток объяснить, слов о том, как ему жаль, муж выставляет меня виноватой перед дочками. Меня! «Некрасиво», видите ли, получилось, что я не осталась с ними.

Можно подумать, это я разрушила наш семейный ужин, а не его предательство, которое выжгло дотла все, во что я верила.

К глазам подступают злые слезы — не от слабости, а от бессильной ярости.

Мне хочется кричать, швырять вещи в Андрея, заставить его почувствовать хотя бы десятую долю той боли, что разрывает меня изнутри.

Но я не могу. Не при детях. Мы никогда при них не скандалили, и начинать сейчас я не стану. И от этого еще паршивее — даже право на открытую злость и боль муж у меня отнял.

— Мам, ты в порядке? — обеспокоенно смотрит на меня Лада, когда я останавливаюсь на пару секунд.

Я отвечаю ей вымученной улыбкой, и мы идем дальше.

Нет, я не в порядке. Вообще не в порядке!

Каждая совместная фотография на стенах, мимо которой прохожу с дочерью, теперь кажется насмешкой.

Лада, ничего не подозревая, указывает на один из снимков.

— Помнишь, как мы были в горах? Я никогда не забуду, как Катька проехала с горки на жопе, — смеется она. — И как ты замерзла, а папа поил тебя горячим чаем и грел твои руки в своих.

Я помню. Каждое воспоминание о счастливых моментах с Андреем отдается новой волной боли.

Реальность обрушивается на меня, как небоскреб после землетрясения.

Я не была готова к тому, что придется принимать решение так быстро.

Внутри теплилась надежда, что это все какая-то глупая

ошибка, что Андрей все объяснит, что можно будет все наладить.

В груди все еще живет та наивная девочка, которая верит в вечную любовь и нерушимость семейных клятв. Она отчаянно цепляется за соломинку, пытается найти оправдания, придумать причины, по которым все случившееся могло быть не тем, чем кажется.

Глупо? Наверное.

Горькая усмешка кривит губы.

Сложно признавать, но... никаких причин и оправданий нет. Налаживать нечего. И разговаривать мне не с кем и не о чем: мужу это явно не нужно, иначе он бы уже это сделал. Его равнодушие и лицемерие как последний гвоздь в крышку гроба наших отношений.

Боже, как же больно, когда привычная жизнь рушится вот так...

Мы все ближе к столовой.

Я кристально ясно осознаю: то, что сейчас сделаю и скажу, когда спущусь к мужу и Кате, станет точкой невозврата.

Когда мы с Ладой заходим, Катя привстает из-за стола и радостно улыбается.

— Мам, мы тебя ждали! Да, пап?

— Угу.

Андрей изучает меня взглядом-рентгеном. Похоже, пытается понять, чего от меня ждать.

Я подхожу к столу и беру бокал с соком. Сжимаю его так

крепко, насколько могу, чтобы никто не заметил, как дрожат руки.

Остальные делают то же самое, и только Андрей прищуривается и едва заметно качает головой. Мол, не вздумай вычудить что-нибудь этакое.

Я отвечаю ему едкой кривой усмешкой.

Наверное, можно было бы походить вокруг да около, позлить мужа, но у меня на это нет сил.

— Дорогие мои, — начинаю, глядя на дочек, — давайте выпьем за семью. За двадцать три года нашего брака с папой и за то, что двадцать четыре года уже не...

В этот момент раздается громкая мелодия мобильного, и я вынужденно умолкаю.

Это телефон Андрея. Он снимает трубку, слушает то, что ему говорят, и его лицо каменеет.

— Мне нужно уехать, — бросает коротко.

— Ну па-а-ап! — восклицает Катя. — В кои-то веки собрались все вместе.

— Это срочно, — качает муж головой.

Теперь он обращается ко мне:

— Не знаю, когда вернусь. Скорее всего, поздно — проблемы на одном из складов. Продолжайте без меня.

Несколько секунд, и Андрей, бросая на меня жесткий красноречивый взгляд, скрывается за дверьми.

— Ну вот, — цокает Лада, — посидели, блин. Отметили. Мам, ты хоть попробуй торт, что ли. Это, конечно, не твои

шедевры, но вроде неплохо получилось.

Я смотрю на их торт, на остальную еду на столе и понимаю, что в меня сейчас ничего не полезет.

Но раз уж я здесь, и раз уж муж сказал продолжать без него, то и продолжу. Чего тянуть?

— Девочки, — набираю полную грудь воздуха, — мне нужно с вами серьезно поговорить.

Они обе смотрят на меня.

— О чем? — спрашивают синхронно.

— Мы с папой разводимся.

После этой фразы в столовой виснет оглушительная тишина, а глаза обеих дочек заметно округляются. Затем звякает вилка, которую Катя неудачно опускает на тарелку.

— Ты шутишь, что ли? — недоверчиво косится на меня Лада. — Вроде не первое апреля. Вы ведь любите друг друга. Вы же через столько прошли, мам. Вы же столько лет в браке! Вы же...

Она затихает, а мое сердце сжимается. Я понимаю ее желание уговорить то ли себя, то ли меня.

— Какие уж тут шутки, — качаю головой.

— Можно узнать почему? — это уже Катя.

Я вздыхаю. Если не скажу сама, их отец точно сочинит свою версию. В общем, они в любом случае узнают правду так или иначе, так что лучше уж от меня.

— Ваш папа мне изменяет.

Глава 5. (Не)знакомое лицо

Анна

Мои девочки смотрят на меня потрясенно, широко распахнув глаза. Я вижу, как они пытаются осмыслить услышанное, а потом начинают сыпать вопросами как из рога изобилия.

— Я не верю! — первой взрывается Лада. — Мам, ты уверена?

— С чего ты это взяла? — подхватывает Катя. — Тебе кто-то сказал? Позвонил?

— Или написал? — снова Лада.

Я делаю глубокий вдох, пытаюсь успокоиться:

— Я уверена, потому что...

— Мам, ну ты же знаешь, что в наше время такие технологии, что можно подделать все что угодно, — перебивает меня Лада, — и видео, и фото...

— Я видела папу и эту женщину собственными глазами, когда привезла ей торт домой, — мой голос звучит глухо.

— В смысле торт? — Катя подается вперед с вытянувшимся лицом. — Ты что, привезла торт любовнице отца?!

— Я не знала, что она его любовница, — чувствую, как к горлу подкатывает ком. — Думала, обычная клиентка и обычный заказ. А потом... в общем, неважно.

Дочки молчат, переглядываясь и переваривая информа-

цию. В комнате в который раз за вечер повисает тяжелая тишина.

— Может, это ошибка? — робко нарушает молчание Катя. — Ну-у... один раз? Может, там ничего такого?

Ох, девочка моя... Мне бы тоже хотелось верить, что это ошибка или кошмарный сон.

— Кать, ты серьезно? — Лада раздраженно цокает языком. — Типа чуть-чуть не считается?

Она поворачивается ко мне и тихо шепчет:

— Мам, мне так жаль...

Потом встает, подходит, наклоняется и крепко обнимает меня. Я чувствую, как дрожат руки у моей сильной, всегда такой уверенной в себе старшей дочери.

Следом вскакивает Катя, и я замечаю слезы в ее глазах. Она обнимает меня с другого бока.

— Мамочка, мы с тобой... — шепчет сквозь слезы. — Как он мог, я не понимаю? Ты же всегда была рядом, всегда поддерживала...

— А после аварии так вообще, — подхватывает Лада. — Что бы папа без тебя делал? Я в шоке...

Я сижу, обнятая с двух сторон своими девочками, и меня накрывает волной облегчения.

Только сейчас признаюсь себе, что боялась.

Боялась, что они встанут на сторону отца, ведь он всегда был для них героем, лучшим папой на свете. Водил их на карусели, учил кататься на велосипеде, возил на море, под-

держивал любое их начинание, интересовался их делами.

Я помню, как Катя однажды заявила, что выйдет замуж только за такого же замечательного человека, как папа.

А Лада... Лада и вовсе папина дочка, они часами могут обсуждать какие-то научные теории, спорить о политике. Он даже брал ее с собой на деловые встречи...

Я так боялась, что они не поверят мне. Или хуже — поверят, но решат, что я сама виновата.

Но сейчас, когда они обе обнимают меня, такие родные, такие любящие, я чувствую, как их поддержка согревает мое израненное сердце.

Я крепче прижимаю их к себе, и слезы сами собой катятся по щекам.

А потом слышу, как тихонько всхлипывает Катя.

Лада старается держаться, но в итоге тоже шмыгает носом.

— Мам, у тебя есть фотка этой мымры? — спрашивает она, выпрямляется и садится рядом. И взгляд такой серьезный, совершенно взрослый.

Катя пристраивается на соседний стул.

— Есть, а зачем тебе? — хмурюсь.

— Я уверена, что это не совпадение: она специально все подстроила и заказала у тебя торт. Хочу глянуть ей в лицо.

— Не стоит, — качаю головой. — Что это даст?

— Ну как что, — настаивает Лада. — Вдруг мы с ней пересечемся. Я так-то не хочу улыбаться ей в лицо, не зная о

том, кто она такая. Вдруг какая-нибудь папина сотрудница.

Резоны дочки мне понятны, поэтому я тяжело вздыхаю и достаю телефон. Открываю переписку с заказом в мессенджере и нажимаю на фото Ники.

Катя тянет руку и смотрит первой. Качает головой, затем протягивает сотовый Ладе. Та всматривается в фото, приближая его пальцами.

Задумчиво хмурится, будто что-то вспоминает, а затем пораженно выдыхает:

— Офиге-е-еть! Вот это жесь! Ма, ты что, не узнала ее?

— Нет, а должна была? — непонимающе смотрю на дочь.

— Я тоже не узнала, — качает головой Катя.

— Хм... Может, я ошиблась, — с сомнением поджимает губы Лада, снова вглядывается в фото и выдает: — Нет, это точно она!

Глава 6. Что ты хочешь услышать?

Анна

— Кто она? — спрашиваю я, чувствуя, как внутри все сжимается от нехорошего предчувствия. — Почему я должна ее узнать?

Лада медлит секунду, словно не решаясь озвучить свои мысли. Потом тяжело вздыхает, смотрит на меня с сочувствием и тихо говорит:

— Помнишь, когда папа лежал в больнице после аварии? Это же та медсестра из травматологии. Она приходила уже после того, как папа пришел в себя. Такая... всегда улыбающаяся, с каре средней длины. Она иногда заходила в палату, когда я приходила навещать его. Она изменилась, но я все равно ее узнала.

Комната вдруг начинает кружиться перед глазами.

В голове проносятся картины из того времени — бесконечные больничные коридоры, запах лекарств, Андрей на больничной койке...

Я тогда так сильно уставала, что все лица для меня сливались в одно сплошное пятно. А позже психика и вовсе услужливо подтерла весь тот ужас, через который я прошла.

Мне не хватает воздуха, и я беззвучно открываю рот.

Господи, неужели между ними все закрутилось уже тогда? Когда я разрывалась между домом, работой и больницей, ко-

гда не спала ночами, боясь за его жизнь, когда занималась продажей дома, машин и своих драгоценностей, чтобы оплатить долги и дорогостоящие операции...

— Ты уверена? — мой голос срывается на шепот.

— Абсолютно. Она еще специализировалась на реабилитации после травм. Помню, как рассказывала мне про какие-то особые упражнения для восстановления.

Меня будто окатывает ледяной водой.

Вот почему Андрей так спокойно относится к своим старым травмам. Вот почему никогда не жалуется на боли, хотя врачи предупреждали о возможных осложнениях. Я-то думала, ничего этого нет, но у него под боком личный специалист по реабилитации...

Горло схватывает болезненным спазмом, а в душе словно разверзается бездонная темная яма, и я стремительно лечу в нее. Чувствую себя преданной, растоптанной и униженной.

Все эти годы я считала, что мы вместе прошли через этот кошмар, что наша любовь стала только крепче после испытаний. А он... он завел роман с медсестрой прямо там, в больнице, пока я выбивалась из сил, пытаюсь спасти нашу семью?

— Мам, ты в порядке? — обеспокоенный голос Лады доносится словно издалека.

Я киваю, но внутри все горит от боли и ярости.

Каждый раз, когда он говорил, что задерживается на работе... Каждый его внезапный звонок с сообщением, что будет поздно... Все его командировки... Господи, какой же я

была дурой! Слепой любящей дурой!

Перед глазами снова встает фотография этой женщины — молодой, красивой, уверенной в себе.

— Девочки, — смотрю на дочек, — я хочу побыть одна.

— Точно? — с сомнением в голосе спрашивает Катя.

— Мам, тебе сейчас не стоит оставаться одной, — вторит ей Лада.

— Мне это нужно. Все будет хорошо, правда, — говорю через силу.

Дочери еще какое-то время сидят на местах, а потом со вздохами встают и собираются.

— Может, передумаешь? — уже перед выходом смотрит на меня Катя. — Я могу остаться с ночевкой.

— Не надо. Спасибо, мои хорошие. Я очень вам благодарна за поддержку.

Я обнимаю обеих и закрываю за ними дверь.

И наконец даю волю слезам.

Брожу по пустому дому, как привидение, рассматриваю фотографии, где мы с Андреем еще счастливы.

Вглядываюсь в его лицо, пытаюсь понять: были ли уже тогда знаки, которые я пропустила? Что-то, чего я не хотела замечать? Вспоминаю, но ничего не приходит в голову, кроме нечастых задержек на работе и командировок. Но они бывали у него и до аварии.

Выходит, мой муж — отличный конспиратор. Умудрялся столько времени все скрывать... Наверное, скрывал бы и

дальше, если бы Нике не надоело быть на вторых ролях.

Я периодически поглядываю на часы, а его все нет.

Что такого могло случиться на складе, что он так задерживается? Молнией прошибает мысль: может, он и не на складе вовсе. Может, помчался к своей Нике...

В итоге так и не дождавшись мужа к часу ночи, я ложусь в кровать и ворочаюсь еще какое-то время, в конце концов проваливаясь в беспокойный сон.

А когда утром распахиваю веки, вижу Андрея.

Он сидит в кресле напротив и не сводит с меня взгляда.

Спросонья улыбаюсь ему, хочу спросить, почему он не в постели, и только через несколько секунд все вспоминаю.

Вспоминаю и встаю в кровати.

Жду, что муж начнет разговор, что-то объяснит, но он словно воды в рот набрал. Ладно, тогда начну первой.

— Я знаю, кто она.

Молчание.

— Знаю, где и когда ты с ней познакомился.

Та же реакция.

— Я подаю на развод.

Мне в ответ приподнятая бровь.

— Так и будешь молчать? — со злостью смотрю на мужа, потом на его руки — до боли знакомые, с выпуклыми венами и шрамом на левом запястье. Господи, сколько раз я целовала этот шрам...

— Что ты хочешь услышать? — Он раздраженно откиды-

вается в кресле.

— Двадцать три года, Андрей. Я просто хочу понять — почему? Почему сейчас? Почему она?

— Ты правда хочешь знать? — жестко усмехается он. — Потому что рядом с ней я чувствую себя живым. Понимаешь? Живым! Не главой семейства, не кормильцем, не твоим вечным должником за то, что выходила меня после аварии.

— А рядом со мной, значит... — Я не могу закончить фразу, горло перехватывает.

— Рядом с тобой? Я задыхаюсь от этого болота! Только и слышу: «Помнишь, как мы?..», «А помнишь, когда?..» Всё это — прошлое, Ань. Всё.

— А наши дети? — Я с трудом сдерживаю дрожь в голосе. — А я?

— Дети выросли. А ты... — Андрей холодно смотрит сквозь меня, будто я уже пустое место. — Ты же сама требуешь развода, значит, справишься. В конце концов, развод — это не конец света.

Глава 7. У меня теперь новая жизнь

Анна

Слова мужа вбиваются в меня, как отравленные иглы.

Каждое бьет точно в цель, разрывая душу на части. Я смотрю на него и не узнаю.

Двадцать три года совместной жизни... Каждая морщинка на его лице, каждый шрам, каждая привычка — все было таким родным, таким... моим. А теперь он говорит, что задыхается. Что я — болото.

В груди что-то сжимается и рвется.

Больно. Господи, как же больно... Словно кто-то вырвал сердце и растоптал его. Я прижимаю ладонь к губам, пытаюсь сдержать рвущийся наружу крик.

Внутри все дрожит от боли и унижения. Во рту мерзкий привкус горечи, а к глазам подступают слезы. Я резко зажмуриваюсь и шумно выдыхаю через нос.

— Еще вчера вечером ты почему-то не хотел, чтобы я портила тебе семейный ужин...

— Вот именно, что вчера, — резко перебивает меня муж.
— У меня было время подумать. Раз уж ты все узнала, к чему мне теперь терпеть?

В голове начинает шуметь.

— И давно ты... терпишь?

Вместо ответа Андрей проходится по мне красноречивым взглядом, и его рот изгибается в кривой усмешке.

Значит, давно.

— Знаешь, Андрей, — поднимаю на него взгляд, — ты прав. Развод — не конец света. Конец света был тогда, когда я не спала ночами у твоей больничной койки. Когда продавала все, что у нас было, чтобы оплатить долги и твое лечение. Когда молилась каждый день, чтобы ты просто выжил.

— Да ладно тебе, Ань, — Андрей разваливается в кресле с таким видом, словно делает мне великое одолжение, продолжая разговор. — Что ты драму-то разводишь? Подумаешь, потратила несколько лет своей жизни. Сама же носилась, как курица с яйцом. «Андрей то, Андрей это».

Он демонстративно закидывает нога на ногу.

— И вообще, может, это судьба так распорядилась? Я в той аварии как будто заново родился. Прозрел. Понял, что жизнь проходит мимо. А тут Ника... Молодая, красивая.

— И ты на полном серьезе думаешь, что такой молодой и красивой ты нужен не как кормилец и глава семейства? — не сдерживаюсь я.

Лицо мужа искажается, словно я зашла на запретную территорию. Он подается вперед и сверлит меня взглядом.

— Я не думаю, я в этом уверен. Нике не нужны мои деньги, ей нужен я. А мне — она. Целеустремленная, энергичная, умная. Не то что ты — вечно уставшая, потухшая, безжиз-

ненная. Как посмотрю на тебя — прям тоска берет.

— Андрей, ты сейчас серьезно? — Мой голос дрожит от возмущения.

Конечно, зачем ему теперь я? Отдала всю себя до капельки — свободна. Уступи место другой, полной сил и энергии.

— А что такого? Я всего лишь говорю правду.

— То есть все эти годы, когда я не спала ночами...

— Ой, началось, — перебивает он. — Не спала, жертвовала... Мне это уже надоело. Ты своей жертвенностью меня просто придавила. Удавку на шею накинула.

— Как тебе не стыдно! — взрываюсь я. — Я ведь за все это время ни разу не попрекнула тебя тем, через что прошла. Ни слова тебе не сказала...

— Я тебя умоляю, Ань, — Андрей прищуривается, — хватит этого цирка. Да, ты не говорила. Но это читалось между строк каждый гребаный день — в каждом твоём взгляде, во всей тебе. Знаешь, что самое смешное? Пока ты изображала великую жертву, я просто притворялся. Из жалости, наверное.

— Из жалости?!

— Ну да, — он пожимает плечами. — Думал, куда ты денешься такая... среднестатистическая. А с Никой у меня настоящая жизнь. Понимаешь, она не пилит меня напоминаниями о своих заслугах — ни словом, ни взглядом. Она просто берет и делает. И у нее это получается гораздо лучше, чем у тебя.

Он встает, подходит к зеркалу и поправляет дорогой галстук.

— И вот что я тебе скажу: ладно бы та авария хоть как-то на тебя повлияла, что-то изменила. Я вон многое переосмыслил: хожу в спортзал, слежу за собой, расширяю кругозор. Опять же, развиваю бизнес. А ты... ты как была курицей-наседкой, так ею и осталась. Только теперь еще и старой стала.

— Ты... ты просто чудовище, — в полном шоке шепчу я.

— Нет, дорогая, я просто наконец-то с тобой честен. А сейчас извини, мне пора. У меня свидание. Не хочу опаздывать — Ника этого не любит. Она, знаешь ли, девушка с характером. Не то что ты — половичок у двери.

Андрей направляется к выходу, но останавливается в дверях.

— Да, и еще... Можешь оставить себе все эти фотографии, — он машет рукой на наши семейные снимки на стене. — Мне они без надобности. У меня теперь новая жизнь, а старье пусть остается в прошлом. Как и ты.

Глава 8. Ты отдашь его ей?

Анна

Я сижу на кровати, глядя на закрывшуюся за мужем дверь. В ушах все еще звенят его последние слова.

Внутри все словно выжжено — ни одной живой клетки, только пепел и горечь.

Как. Он. Мог?

«Курица-наседка», «половичок», «безжизненная»... Я прижимаю ладони к ушам, словно это может заглушить эхо его жестоких слов в моей голове.

А ведь я сама сказала про развод! Сама решила отпустить его. Почему же он так? Зачем было топтать меня, унижать, смешивать с грязью?

И тут меня осеняет: муж ведь оправдывался. Нет, не передо мной — перед самим собой.

Ему нужно было выставить меня никчемной, ничтожной, недостойной, чтобы оправдать свое предательство. Чтобы не чувствовать вины за то, что бросил женщину, которая отдала ему всю себя без остатка.

«Притворялся из жалости» — вспоминаю его слова, и к горлу подкатывает тошнота. Сколько времени он жил двойной жизнью? Сколько я была для него обузой, помехой его «настоящей» жизни с любовницей? Скорее всего, у них все закрутилось не сразу, а только после того, как он встал на

ноги и вернул себе бизнес. С моей помощью!

Ника... Интересно, знает ли она, что влюбилась в труса и предателя? В человека, который способен растоптать двадцать три года совместной жизни, обесценить любовь и преданность, превратить священные воспоминания в «старье»? Знает, конечно, не может не знать. Наверняка верит, что уж с ней-то у него все будет по-другому.

Слезы текут по щекам, но я их даже не вытираю. Пусть. Это последние слезы, которые я пролью из-за него.

Потому что человек, которого я любила, умер. А это существо, этот жестокий, циничный незнакомец в его теле — он мне чужой. И пусть забирает свою «настоящую» жизнь, свою молодую любовницу, свои амбиции и свой спортзал и катится подальше!

Только почему же так больно? Почему каждый вдох отдается мучительной судорогой в груди? Почему хочется кричать от бессильной ярости и отчаяния?

А потом приходит понимание — Андрей специально сделал это. Специально уничтожил все светлое, что было между нами. Чтобы я возненавидела его и не пыталась вернуть. Чтобы обрубить все концы одним махом — жестоко, безжалостно, навсегда.

И сдается мне, тут не обошлось без помощи его любовницы. Наверняка она вкрадчиво нашептывала ему на ушко, что я буду пытаться его удержать, вернуть, отобрать у нее. Вот муж и постарался обставить все так, чтобы мне и в голову не

пришло пытаться сохранить наши отношения.

Что ж, у него вышло.

Я не прощу. Никогда не прощу этих слов, этого презрения, этого унижения. Потому что есть вещи, которые нельзя забыть. И есть раны, которые не заживают, только затягиваются со временем, продолжая периодически напоминать о себе.

Я медленно поднимаюсь с кровати.

Дрожащими пальцами касаюсь фотографий на стене — тех самых, что он так небрежно «оставил» мне. Теперь это действительно пустые картинки.

Затем иду в ванную, и взгляд невольно падает на полку с его бритвенными принадлежностями. Надо будет все это убрать. И его одежду из шкафа. И фотографии со стен. И...

Господи, да тут везде он! Каждый уголок этого дома пропитан нашей общей жизнью...

Я чувствую, что больше не могу тут находиться. Не могу, и все тут.

Сквозь шум воды слышу трель телефона из комнаты, наспех вытираю мокрое лицо и иду ответить.

Сестра. Только теперь я вспоминаю, что обещала приехать к ней утром.

Забыла. После встречи с любовницей мужа это совершенно вылетело из головы.

— Привет, — раздается бодрый голос Лары.

— Привет... — безжизненным эхом вторю ей я.

На том конце провода на несколько секунд повисает молчание, а затем сестра встревоженно интересуется:

— Ань, что-то случилось?

— Случилось, — вздыхаю тяжело. — Я развожусь с Андреем.

— Э-э-э... — слышу в ответ и будто воочию вижу, как вытягивает лицо Ларисы.

Слава богу, она не задает кучу вопросов, спрашивает только:

— Андрей дома?

— Нет.

— Тогда собирайся и приезжай ко мне. Только это... не садись за руль, ладно? Лучше вызови такси.

— Хорошо.

Через час с небольшим Лариса открывает мне дверь и сокрушенно качает головой, видя, в каком я состоянии. Обнимает меня, и мы проходим на кухню.

Она ставит передо мной чашку с чаем, от которой вьется ароматный мятный пар, и смотрит на меня, заправляя за ухо прядь каштановых волос.

— Что случилось?

И я рассказываю, как увидела его с Никой.

— Твою ж мать! — в сердцах бросает она. — Вот ублюдок! Ой, прости...

— Да что уж там, — машу рукой с горькой усмешкой.

— Ань, а я ведь это... ну... — Лариса опускает взгляд и

теребит в руках белоснежную салфетку.

— Что?

— Я неделю назад видела его в городе с какой-то барышней. Но там ничего такого не было, — быстро добавляет она, словно оправдываясь. — Ну, шли и шли по улице. Не обнимались, не целовались — ничего такого. Я и не стала ничего тебе говорить, зачем зря расстраивать. Мало ли, кто это мог быть. Может, клиент или партнер.

Я достаю из сумочки телефон, открываю мессенджер и показываю ей фото Ники.

— Она?

— Она, — кивает сестра и мрачнеет. — Это и есть его любовница?

— Да.

Я вываливаю сестре все: и кто она такая, и как Андрей вел себя вечером, и как сказала, что подаю на развод. Завершаю все тем, что муж наговорил мне сегодня утром.

Сестра молчит, помешивает свой чай ложкой, со звоном ударяя ею о стенки чашки.

— И? — в итоге со злостью выдает она. — Я не поняла, ты что, добровольно отдашь мужа этой лахудре?

Глава 9. На надежде далеко не уедешь

Анна

— «Отдашь»? — Я даже поперхнулась чаем. — Ларис, ты себя слышишь? Он что, вещь? Которую можно отдать или не отдать?

— Ань, ну не глупи. Двадцать три года вместе. Ты что, правда готова все перечеркнуть из-за какой-то...

— Нет, это он все перечеркнул! — Я с грохотом ставлю чашку на стол. — Ты как будто пропустила все то, что я рассказала, что он мне наговорил и как меня унижал. «Курица-наседка», «болото», «половичок у двери»...

— Психанул мужик, с кем не бывает? Остынет, одумается...

— Лариса! — Я в шоке смотрю на сестру. — А если бы твой Славик тебе такое сказал? Если бы он нашел себе молодую девицу и заявил, что все эти годы притворялся, что любит тебя?

Сестра фыркает:

— Ну ты сравнила. Где Слава — обычный менеджер среднего звена, и где твой Андрей — успешный бизнесмен, директор компании? У таких мужчин часто крыша едет в определенном возрасте. Кризис среднего возраста, седина в бо-

роду — бес в ребро...

— То есть, по-твоему, если мужик богатый и успешный, ему можно быть подлецом? — внутри закипает ярость. — Можно предавать, изменять, унижать, топтать человека, который отдал тебе половину жизни?

— Ань, пойми, — сестра наклоняется ко мне через стол. — Такие, как Ника, они же хищницы. Охотятся на успешных мужиков. Окрутила его, заморочила голову...

— Он взрослый человек, а не баран на привязи. Сам принял решение.

— И что теперь? Будешь гордо страдать в одиночестве, пока эта девка греет твою постель и тратит твои деньги?

— Нет, — качаю головой я. — Буду жить дальше. Без человека, который способен так поступить с любящей женщиной. И дело не в Нике, дело в нем самом.

— Да очнись ты, Ань! — всплескивает руками Лариса. — Нельзя так просто отпускать. Надо бороться! Я бы на твоём месте...

— Но ты не на моем месте, — перебиваю ее. — А я — это я. Не собираюсь унижаться, цепляться за него и слезно умолять. Не собираюсь «бороться» за человека, который сам выбрал предательство. Который растоптал все, что между нами было.

— Ну и дура, — припечатывает сестра. — Потом будешь кусать локти, когда он с этой соплячкой пойдет под венец.

Я молчу. Что тут скажешь? Лариса всегда была практич-

ной до цинизма. Для нее главное — статус, деньги, положение в обществе. А любовь, верность, самоуважение — это все лирика, которой сыт не будешь.

Но я не она. И пусть я останусь одна, но сохраню себя. Свое достоинство. Свою душу, которую Андрей так старательно попытался растоптать напоследок.

Отпиваю почти остывший чай.

— Спасибо за заботу, сестренка. Но я все решила.

— Эх, Анька-Анька... — качает головой Лариса. — Всегда была идеалисткой. Вот и допрыгалась...

Я хмыкаю. Пусть думает что хочет.

Я уверена: нельзя построить счастье на обломках своей гордости и самоуважения. И никакие деньги мира не стоят того, чтобы превращаться в половичок у двери — молчаливый, покорный, готовый стерпеть любое унижение, лишь бы вернуть мужика, которому и даром не сдалась.

Лариса устало откидывается на спинку стула и какое-то время молча смотрит на меня. Видимо, окончательно понимает, что я не передумаю насчет мужа.

Потом машет рукой:

— Ну окей, решила так решила. Это твоя жизнь. Хочешь отдать Андрея Нике — твое право.

Она делает паузу и прищуривается:

— Но давай не будем забывать, что он снова поднялся только благодаря тебе. И что, все деньги ты тоже благородно отдашь Нике?

— Это тут при чем? — непонимающе смотрю на сестру я.

— Да при том, — Лариса подается вперед. — Или ты наивно полагаешь, что Нике он нужен гол как сокол? Если она на кого и нацелилась, так это на Андрея с деньгами. В том числе твоими, между прочим! Ты же помнишь, в каком он был состоянии? Кто его тогда поддержал? Кто вложил все, что было?

Я чувствую, как краска приливает к щекам:

— Мы... мы еще не обсуждали финансовую сторону.

— А вот и зря! — Лариса торжествующе поднимает палец. — Зуб даю, тебя ждет очередное открытие. Думаешь, эта юная особа согласится на мужика без денег? Ха! Поверь моему опыту — как только дело дойдет до раздела имущества, ты увидишь ее истинное лицо. И его, кстати, тоже. То, что он сейчас тебе наговорил, окажется цветочками. И если ты, такая вся гордая и благородная, решила и тут не сражаться, то когда останешься с носом, другое запоешь. Ну так что, как планируешь делить имущество?

— Да нормально планирую, — пожимаю плечами. — Чужого мне не надо, но и свое не отдам. Все по справедливости.

Сестра хмыкает.

— То есть как? Или ты думаешь, что он сам предложит честный раздел? После того, как ты его отпускаешь к этой... — она презрительно морщится, — к этой Нике?

— Слушай, ну не может же он поступить настолько подло, — я машинально верчу в руках чайную ложку. — Все-таки

столько лет вместе. Он же помнит, в каком был состоянии после провала с компанией. Я надеюсь...

— Надеешься? — Лариса перебивает меня, фыркая так громко, что я вздрагиваю. — Ну-ну. На надежде, дорогая моя, далеко не уедешь. Особенно когда рядом с мужиком крутится молодая и хваткая особа. Ты думаешь, она его за красивые глаза охмурила?

— И что ты предлагаешь? Начать войну?

— Я предлагаю включить мозги, — поджигает губы сестра. — И первым делом найти адвоката. Хорошего. Нет, самого лучшего. Потому что как только дело дойдет до раздела имущества, ты можешь столкнуться с совершенно другим Андреем. Не с тем, которого знала все эти годы. Сто процентов, Ника уже давно начала его окучивать на этот счет. Что им, как молодой семье, деньги будут нужнее. А ты... ты перебежешь, сама выкрутишься.

— Но это как-то... — я запинаясь, подбирая слова, — как-то мелочно, что ли. Начинать с поисков адвоката еще до того, как мы с ним обсудили этот вопрос.

— Мелочно?! — Лариса закатывает глаза. — Защищать свои интересы — это мелочно? Аня, очнись, ты же умная женщина. Да, ты решила отпустить мужа — это твой выбор. Но позволить обобрать себя до нитки — это уже не благородство, это глупость!

Я молчу, глядя в чашку с остывшим чаем. Внутри все сопротивляется этому разговору, но... Лариса права. Права,

черт возьми. Нельзя быть такой наивной. Можно сохранить достоинство и при этом не дать себя облапошить.

— Ты права, — вздыхаю.

— Вот это другой разговор, — оживляется сестра. — Нужно найти адвоката. Такую акулу, которой даже Ника со своими длинными загребущими ручонками будет не страшна. Есть у меня на примете один такой спец...

Глава 10. Знак

Анна

Я медленно спускаюсь по лестнице в подъезде Ларисы.

В голове крутятся обрывки нашего разговора, и от этого тошно. Неужели сестра права? Неужели Андрей, с которым прожито столько лет, способен оставить меня ни с чем?

Я останавливаюсь на площадке между этажами, прислоняюсь к стене. В груди что-то сжимается от одной мысли, что придется воевать. Снова. Только в прошлый раз я боролась за Андрея, а сейчас — *против* него.

И если он решит задействовать все свои связи... Нет, даже думать об этом не хочется. Хочется просто закрыть глаза и проснуться в той жизни, где все по-прежнему. Где нет никакой Ники, где мы счастливы, где...

Встряхиваю головой и приказываю себе: «Аня, очнись. Возьми себя в руки! Что еще Андрей должен сделать или сказать? Какой еще тебе нужен знак, чтобы ты окончательно осознала, что брак разрушен окончательно и бесповоротно?»

Я выхожу из подъезда и достаю из сумочки визитку, которую мне всучила Лариса.

«Смирнов Глеб Михайлович. Адвокат».

Какое-то время кручу глянцевый прямоугольник в пальцах, глядя словно сквозь него, а потом достаю телефон.

Однако набрать нужный номер не успеваю — экран загорается входящим вызовом.

Андрей.

От одного его имени на дисплее сердце пропускает удар.

— Да? — отвечаю.

— Что ты наговорила дочкам?! — орет он так, что мне приходится отодвинуть трубку от уха.

— Ты о чем? — Я не сразу понимаю, о чем речь.

— Они обе заявили, что не хотят со мной общаться и вообще не ожидали от меня *такого*! Какого черта ты их настраиваешь против меня?

— Я никого не настраиваю. — Во мне поднимается глухое раздражение. — Я просто сказала им правду. Они имеют право знать.

— Какую еще правду? — Он захлебывается от злости. — Ты могла придумать что угодно. Сказать, что мы просто не сошлись характерами. Но нет, тебе же надо было все ополить, выставить меня подлецом!

— То есть, по-твоему, я должна была покрывать твою ложь? — Мой голос начинает звенеть. — Выгораживать тебя перед собственными детьми?

— Выгораживать, значит? Так и знал, ты специально все рассказала, чтобы настроить их против меня! И про Нику, и про больницу... Теперь Лада смотрит на меня как на...

— А как она должна на тебя смотреть? — Я уже не сдерживаюсь. — Мы все места себе не находили, не спали ноча-

ми, крутились, как белки в колесе, а ты уже тогда завел интрижку с этой девицей. Лада ее узнала, Андрей.

— Как она могла ее узнать, если только ты не показала ей фото? Конечно, ты показала, надо же было выставить себя страдальцей. Ты ведь у нас святая, безупречная жена и мать... — злобно цедит сквозь зубы он. — А я — подонок, который все разрушил!

— Можно подумать, это не так! — внутри все кипит, и я уже даже не стараюсь успокоиться. — Ты сам все и разрушил. Своими действиями. Своей ложью. И не смей обвинять меня в том, что дети встали на мою сторону, узнав правду.

— Твою правду!

Мои брови взлетают.

— Мою? Ну так расскажи детям свою. Повтори все то, что сказал мне сегодня утром, если тебе хватит духу. И совести.

— Да пошла ты! — рывкает муж. — Я не позволю тебе настраивать против меня моих дочерей. Если ты думаешь, что я это так оставлю...

— И что ты сделаешь? — перебиваю его, повышая тон. — Заставишь их любить себя? Или будешь врать им, как врал мне? Если тебе так хочется кого-то обвинить, то посмотри в зеркало. И на Нику заодно.

В трубке повисает тяжелое молчание.

— Ты об этом пожалеешь. Очень пожалеешь, — в итоге говорит Андрей, и от его морозного тона по позвоночнику бежит холодок.

Вместо ответа муж бросает трубку. Разозлился, что я проехала по его музе?

Я медленно опускаю телефон и смотрю на зажатую в другой руке визитку адвоката.

Горько усмехаюсь. Ну что, Аня, ты хотела знак? Вот он.

Андрей явно не собирается решать вопросы мирно — вон как взъярился, да еще и повесил всех собак на меня.

Лариса права: нужно защищать свои интересы.

Я поджимаю губы и решительно набираю номер:

— Глеб Михайлович? Здравствуйте. Мне нужна ваша помощь...

Глава 11. Что у нас на ужин?

Анна

Крем ложится на бисквит ровным слоем. Я провожу по нему лопаткой, разравнивая поверхность, выводя идеально ровный круг.

Движения отработаны до автоматизма: сколько их было, этих тортов, за последние годы? Не сосчитать. Вот только обычно эта работа приносит удовольствие, а сегодня все валится из рук.

Ваниль щекочет ноздри, смешиваясь с запахом свежей выпечки, но даже этот знакомый аромат не может рассеять тяжесть в груди.

Перед глазами всплывает вчерашняя встреча с адвокатом. Глеб Михайлович — маленький круглый человечек, удивительно похожий на актера Денни де Вито — произвел впечатление въедливого и дотошного специалиста.

«Не волнуйтесь, Анна Сергеевна, — успокаивающе проговорил он в конце нашей беседы, складывая пухлые пальцы домиком, — мы соберем всю информацию об активах вашего супруга. Ни один счет, ни одна транзакция не укроются».

От его уверенности стало легче, хотя где-то внутри до сих пор ворочается тревога перед неизбежным скандалом.

Скорее всего, Андрей надеется, что я тихо соберу чемоданы и исчезну из его жизни — без скандалов и раздела иму-

щества. И точно придет в бешенство, узнав, что я не собираюсь смиренно уступать ему дом, машины и бизнес.

Торт для клиента наконец готов. Я аккуратно ставлю его в холодильник и решительно направляюсь в спальню.

Хватит.

Открываю шкаф, достаю большой чемодан. Руки дрожат от злости, когда срываю с вешалок рубашки, брюки, пиджаки Андрея.

Вот эту рубашку я гладила перед последней командировкой, а этот галстук подарила на прошлый день рождения...

К черту!

Пусть забирает все и катится к своей молоденькой любовнице. Он не появляется дома вторые сутки — наверняка у нее. И прекрасно, видеть его не могу и не хочу!

Я так увлечена этими яростными сборами, что не слышу, как открывается дверь в спальню.

Только когда за спиной раздается его голос, вздрагиваю всем телом:

— Куда-то собралась?

Я медленно оборачиваюсь, сжимая в руках его свитер.

— Я нет, а вот ты да, — звенит от напряжения мой голос.

Муж усмехается, разглядывая раскрытый чемодан. Делает шаг ко мне, и меня накрывает волной приторно-сладкого аромата. Чужого аромата. *Ее* аромата.

Он даже не потрудился принять душ, смыть с себя следы их встречи. Внутри все клокочет от ярости и отвращения.

Стоит тут, ухмыляется, даже не пытается скрыть, что был у нее. Словно я должна это терпеть!

— И куда же я собрался? — приподнимает бровь, однако тон у него совершенно нейтральный.

Как он может вести себя так, будто ничего не случилось, будто не было нашего последнего разговора о детях и его угроз?

— К своей Нике! — вспыхиваю я. — Ты и так ночуешь у нее, вот и переезжай с концами. Или боишься задохнуться от аромата ее духов?

— Оставь свой сарказм при себе, — холодно парирует муж. — Эти духи подарил Нике я, и они мне нравятся гораздо больше, чем твои.

— Вот как? А раньше говорил, что терпеть не можешь сладкие ароматы.

— Вот видишь, ты снова о прошлом. Как обычно. И вообще, — продолжает Андрей, и его спокойный тон еще больше выводит меня из себя, — кто тебе сказал, что я собираюсь съезжать? Этот дом такой же мой, как и твой. Места много, всем хватит.

Я цепенею на месте, будто он окатил меня ледяной водой. Слова повисают в воздухе, не находя выхода. Неужели он серьезно? Собирается жить здесь? После всего, что сделал?

— У нас есть что-нибудь на ужин? — как ни в чем не бывало интересуется муж.

— На ужин?! — взрываюсь я, дыхание перехватывает от

злости и возмущения. — Мышьяк, белладонна, мухоморы... Выбирай! Ах да, могу еще подать рыбу Фугу*. Ты совсем офигел, что ли? Думаешь, я стану тебе готовить?!

Муж цокает языком и качает головой.

— Нет так нет, закажу доставку. Не стоит так нервничать, Аня. Стресс сильно сказывается на здоровье и внешности.

— Да пошел ты! — бросаю в него свитер, который до сих пор держала в руках.

— Как раз собирался в душ, — Андрей ловко уклоняется в сторону.

Он проходит мимо меня и уже перед тем, как зайти в ванную комнату, бросает:

— Кстати, завтра вечером сюда приедет Ника.

***Рыба Фугу** — в коже и внутренних органах рыбы Фугу содержится смертельный яд тетродоксин, к которому нет противоядия. Всего одна рыба способна убить более 35 человек, причем не только прием внутрь, но и простое прикосновение смертельно. Рыбу Фугу готовят и продают в дорогих ресторанах.

Глава 12. Радужный прием

Анна

Я стою у окна на втором этаже, нервно поглядывая на часы и периодически отпивая горячий кофе из любимой кружки.

Отсюда, с моего импровизированного наблюдательного поста, отлично просматривается подъездная дорожка к дому.

В голове снова и снова прокручивается вчерашний разговор с мужем, от которого до сих пор горчит во рту.

Когда он закрыл за собой дверь ванной комнаты, меня буквально трясло от ярости. Пальцы сжимались в кулаки так сильно, что ногти больно впивались в ладони.

Как он посмел? Как вообще у него хватило наглости заявить, что приведет свою любовницу в *мой* дом?

И эта Ника... Господи, у нее что, совсем нет гордости и совести? Явиться в дом к жене своего любовника — это какой-то особый вид извращенного садизма. Или мазохизма. Или и того, и другого вместе. Хотя чего ждать от женщины, которая спокойно спит с женатым мужчиной?

Когда Андрей вышел из ванной комнаты в одном полотенце, обернутом вокруг бедер, я высказала ему все, что думаю об этой затее.

— Ты в своем уме? Я не позволю ей переступить порог моего дома! Может, тебе еще застелить свежую постель для

ваших утех?

— Не драматизируй, — поморщился он, взъерошивая мокрые волосы ладонью. — Подумаешь, погостит пару дней. У нее ремонт в квартире, ей негде жить.

— О, так теперь ты еще и благотворительностью занимаешься?

— Я завтра немного задержусь на работе, — проигнорировал он мой сарказм. — Ника приедет немного раньше.

— Сними ей квартиру! — рявкнула я. — И живи там с ней сколько хочешь.

— Зачем мне снимать квартиру, если мне есть где жить? В общем, встретить Нику, покажи ей гостевую комнату.

Я замерла, чувствуя, как немеет лицо.

А потом очень спокойно сказала:

— Окей, я ее встречу.

Андрей на секунду застыл, явно не ожидав такой покладистости. Несколько секунд он всматривался в мое лицо, пытаясь понять, что у меня на уме, потом кивнул и вышел.

— Ну и катись, — прошептала я закрывшейся двери.

И вот сейчас, заметив подъезжающее к дому такси, я слега таю по лестнице и выскакиваю во двор.

Целенаправленно иду к вольеру, где живет наш маламут Арс. Пока веду его к калитке, чувствую, как внутри разливается ледяное спокойствие.

— Ну что, малыш, поиграем? — шепчу я псу, почесывая его за ухом.

Он преданно смотрит на меня своими янтарными глазами.

Калитка открывается, и в проеме появляется она — холеная, уверенная в себе красotka в дорогом брючном костюме и на неуместно высоких шпильках.

Не успевает она сделать и шага, как Арс бросается вперед, к ней, инстинктивно оглядываясь на меня за подтверждением.

— Можно! — произношу я с самой сладкой улыбкой, и мой пес аж припадает к земле — так рвется к любовнице мужа.

Ника застывает на месте, явно не ожидая такого приема. Ее идеально накрашенное лицо бледнеет.

— Что... что это значит? — Ее голос предательски дрожит.

— А что непонятного?

— Убери собаку! Немедленно!

— Сделаешь шаг — спущу его с поводка, — говорю я почти ласково, поглаживая шерсть на загривке Арса.

— Ты не посмеешь! — В ее голосе проскальзывают истерические нотки. — Ты с ума сошла!

— Может быть, — хмыкаю я. — Хочешь проверить насколько?

Когда она все же пытается шагнуть вперед, видимо, решив, что я блефую, я коротко киваю:

— Арс, вперед!

Пес дергается, готовый сорваться с поводка в любой момент.

— Я сейчас позвоню Андрею! — визжит она, отступая и судорожно роясь в сумочке в поисках телефона.

— Звони-звони, — равнодушно пожимаю плечами. — Но пока я здесь, ноги твоей в этом доме не будет. Ты меня поняла?

— Этот дом скоро перестанет быть твоим! — пытается храбриться она, но я вижу, как дрожат ее руки.

— Это мы еще посмотрим, — шиплю я, чувствуя, как внутри поднимается волна злости. — Вали откуда пришла. Арс много весит, могу и не удержать.

Демонстративно ослабляю поводок, и мой верный пес прыгает вперед, щелкая зубами в полуметре от ее ног.

Ника вскрикивает и молниеносно оказывается по ту сторону калитки, с грохотом закрывая ее за собой.

— Молодец, Арс, — глажу я его по холке, чувствуя, как губы сами растягиваются в довольной улыбке.

Потом меня и вовсе пробирает на смех: искривленное ужасом лицо Ники в тот момент, когда Арс прыгнул в ее сторону, — бесценное зрелище.

Я удовлетворенно киваю, слыша, как хлопает дверь такси и машина трогается с места, и возвращаюсь в дом.

Наверняка Ника уже всюю жалуется Андрею, как ее чуть не загрызло огромное чудовище.

Пусть жалуется. Если муж не поймет этого намека, я объ-

ясню доходчивее.

И буквально через пару минут мой телефон разрывается входящим звонком от Андрея.

Глава 13. Факты

Анна

— Да, — отвечаю я максимально спокойным тоном.

— Ты что там устроила? — яростно выплевывает Андрей.

— Как ты посмела натравить собаку на Нику?!

— Во-первых, не кричи на меня, — я чувствую, как внутри поднимается волна холодного гнева. — Во-вторых, никого я не натравливала.

— Ника в истерике, говорит, что ты угрожала спустить на нее Арса.

— Ну, отпустила бы я поводок, и что? Можно подумать...

— Как что?! — звереет муж, обрывая меня на полуслове.

— Тебе там вопли твоей любовницы совсем мозг отключили? Ты забыл, что речь об Арсе?

— И что?

— И то. Ты не хуже меня знаешь, что он, как и все маламуты, абсолютно не агрессивен к людям. Не поэтому ли ты в свое время выбрал именно эту породу для девочек? Мы даже не тренировали его на защиту, потому что это бесполезно!

— Откуда я знаю, что ты там сделала с псом!

— Например, за сутки превратила его в боевую машину? Ты сейчас серьезно? То, что твоя любовница не разбирается в собаках и приняла дружелюбного пса за монстра, ее проблемы. Я всего лишь не стала ее разубеждать и говорить, что

Арс хотел поиграть, а не нападать. Или, думаешь, он зализал бы ее до смерти, спусти я поводок?

Андрей молчит. Знает, что я права: Арс ничего бы не сделал его любовнице. Максимум — заляпал бы слюнями ее костюм и оставил на нем отпечатки лап.

— Ты могла ей это сказать! Ты не должна была...

Теперь я прерываю мужа:

— Не должна была? А что я должна была? Встречать ее с хлебом-солью? — Мой голос начинает звенеть. — В *мой* дом без моего разрешения пытается войти чужой человек. Я имею полное право защищать свою территорию. Скажи спасибо, что вместо того, чтобы вызвать полицию за попытку проникновения, я всего лишь не пустила ее на участок!

— Я же сказал тебе, что она приедет.

— Нет, Андрей. Ты не сказал, ты поставил меня перед фактом.

— Ты ответила, что согласна.

— Разве? «Я ее встречу» — это такая же констатация факта. Ты думаешь, я не понимаю, чего ты добиваешься? Хочешь, чтобы я не выдержала, сдалась и отступила. Чтобы добровольно съехала и освободила вам гнездышко. Не получится. Это мой дом не меньше, чем твой. И я имею право решать, кто может в нем находиться, а кто — нет.

— Аня...

— Не перебивай, я еще не закончила. — Я делаю глубокий вдох. — Послушай меня внимательно, Андрей. Притащить

любовницу в дом, где живет твоя жена, — это за гранью. Ни Ника, ни любая другая женщина, кроме меня, не переступит порог этого дома. И это не обсуждается.

— Ты не будешь ставить мне условий, — понижает тон муж. — Если я захочу...

— Тогда захочу и я — например, пригласить дочек пожить с нами. Как ты будешь смотреть им в глаза?

— Ты не посмеешь...

— Еще как посмею. В общем, никаких девиц в доме, по крайней мере пока мы не развелись. Потом можешь творить что хочешь. Кстати, на развод и раздел имущества и бизнеса я уже подала.

— Ты что несешь?! — Андрей взрывается. — Какой, к черту, раздел? Ты в своем уме вообще? Это МОЙ бизнес, и даже не думай на него покушаться!

Я чувствую, как к горлу подкатывает ком. Так и знала, что он вспыхнет, как спичка.

— Твой? — едва сдерживаю ярость я. — Ты забыл, как лежал в реанимации, а врачи говорили, что шансов почти нет? Кто продал дом, машину, все свои украшения — вообще все, что у меня было?

— Да хоть сто раз продала! — рычит он. — Я построил этот бизнес с нуля, своими руками!

— Правда? — Я уже не сдерживаю горечь. — А кто закрывал твои долги перед партнерами? Кто уговаривал их подождать, пока ты восстановишься? Кто брал кредиты на свое

имя?

— Можно подумать, ты мне помогала! О себе беспокоилась, привыкла к хорошей жизни, хотела ее вернуть.

— О себе? Что ты несешь, Андрей? — У меня перехватывает дыхание оттого, как он все переврал в своей голове.

— И вообще-то, я потом...

— Да, потом ты встал на ноги. В прямом и переносном смысле. Благодаря мне, между прочим! И что я получила взамен? Любовницу, которую ты пытаешься привести в наш дом? Я вложила в тебя и в этот бизнес не только деньги — я вложила часть своей жизни. Я была рядом, когда ты был по уши в долгах!

— Я пахал как проклятый!

— А я что, по-твоему, делала? Сидела дома и плевала в потолок? Кто организовывал корпоративы, принимал партнеров и важных клиентов, создавал имидж компании? А теперь, когда все наладилось, ты решил, что можешь просто взять и оставить меня ни с чем?!

— Давай обсудим это спокойно, — после короткого молчания предлагает муж делано нейтральным тоном. Я четко ощущаю, как непросто он ему дается.

— Нет, Андрей. Обсуждения закончились в тот момент, когда ты решил привести свою любовницу в мой дом. Дальше будут говорить юристы.

— Юристы, значит, — цедит сквозь зубы муж. — Хорошо, будут тебе юристы. Только помни, что сама напросилась.

Глава 14. Хочешь мира — готовься к войне

Анна

Звонок от Ларисы раздается, когда я, все еще трясаясь от злости и обиды, пытаюсь успокоиться и взять себя в руки после разговора с мужем.

— Ну как ты там? — без предисловий спрашивает сестра.

Я делаю глубокий вдох, пытаюсь унять дрожь в голосе.

— Плохо. Андрей окончательно слетел с катушек.

Я рассказываю ей все: как муж решил притащить свою любовницу в наш дом, как я встретила ее с Арсом и не пустила на порог, как он позвонил мне сразу после этого.

— Он совсем с ума сошел? — вспыхивает Лариса после того, как заканчиваю.

— Вот и я о том же. — Меня снова начинает трясти.

— Ну теперь-то, когда ты пригрозила позвать девочек пожить тут, он отступит.

— Надеюсь. Лар, я его не узнаю. Как будто подменили человека. Где тот заботливый муж, который говорил, что я — его все? Который признавался в любви и говорил, что всегда будет со мной?

— Ань... — В голосе сестры слышится сочувствие.

— Нет, правда! Ладно измена — я могла бы понять, что

у него кризис среднего возраста, седина в бороду — бес в ребро или еще что-то. Но это уже слишком... он...

— Сволочь, — подсказывает Лариса.

— Именно... Лар, я одного не пойму: откуда в Андрее столько злости? За что он так со мной? Я же всегда была рядом, верила в него. Даже когда все говорили, что он не выкарабкается — и физически, и финансово.

Я падаю в кресло, чувствуя, как накатывает усталость.

— Зуб даю, это его Ника промывает ему мозги, и давно, — цокает Лариса. — Ты же знаешь, как это бывает: «Ах, ты такой сильный, такой успешный, она тебе только мешает»...

— Господи, как же противно, — я чувствую подступающую к горлу тошноту. — Столько лет коту под хвост. И ради чего? Ради какой-то...

— Так, стоп! — прерывает меня сестра. — Никаких «коту под хвост»! Ты сильная, красивая, умная женщина. У тебя прекрасные дочери. И половина бизнеса, между прочим, тоже твоя — что бы он там ни говорил. Не отступай!

— Я и не собираюсь, — вздыхаю. — Просто... Я-то надеялась, он съедет к своей швабре, оставит меня в покое. Куда там! Ходит по дому, ведет себя как ни в чем не бывало. Хорошо хоть, ночует внизу. Но меня аж передергивает каждый раз, как вижу его абсолютно непроницаемое лицо. Мне так хочется уехать отсюда, чтобы не видеть его. Не слышать. Каждый его холодный мрачный взгляд... брр...

— Вот еще, — фыркает Лариса. — Не вздумай съезжать!

Он именно этого и добивается. Съедешь, он быстренько привезет сюда свою кралю.

— Да я уж поняла, — морщусь, представляя, как она всю тут хозяйничает, пользуется моими вещами, спит на моей кровати.

Я вздыхаю, а потом озвучиваю мысли, которые уже несколько дней крутятся в голове:

— Знаешь, у меня ощущение, что Андрей нарочно бьет по больному. Ведет себя так, будто я его злейший враг. Будто мстит мне за что-то, но я никак не пойму за что.

— Мстит? — задумчиво тянет Лариса. — Да ну, ты же всегда была идеальной женой. За что ему мстить?

— Если б я знала. Но с чего-то же его развернуло на сто восемьдесят градусов.

— Не похоже это на месть, Ань. Скорее, он просто пытается переложить свою вину на тебя. Придумывает какие-то причины, доказывает сам себе, что это с тобой что-то не так, чтобы оправдать свое поведение. Ведь проще обвинить тебя, чем признать, что сам судак. Так ему просто легче жить с собой.

— Наверное, ты права.

Я умолкаю на несколько секунд, а потом продолжаю:

— Кстати, Андрей просто взбесился, когда я заикнулась о разделе имущества. Но знаешь, что самое странное? — понижаю голос я, хотя в доме никого нет. — Когда я сказала про юристов, он как-то... изменился. Усмехнулся так нехо-

рошо и сказал: «Хорошо, будут тебе юристы». У меня аж мурашки пошли по коже от его тона.

— Думаешь, что-то задумал?

— Не знаю... — Я обхватываю себя руками, пытаюсь унять дрожь. — Но чутье подсказывает — да. Он слишком уверен в себе. Как будто заранее знает, что выиграет.

— Может, уже начал готовиться? — осторожно предполагает Лариса. — Выводить активы, переоформлять что-то?

— Черт! — От этой мысли меня бросает в холодный пот. — Если он давно с Никой, то вполне мог...

— Так, спокойно. — В голосе сестры появляются командные нотки. — Для начала возьми себя в руки. Ты ведь уже встречалась с адвокатом?

Я киваю и только через секунду понимаю, что сестра не может этого видеть.

— Да, — говорю. — Глеб Михайлович сказал, что ему нужно время, чтобы собрать все данные для раздела. Пообещал позвонить и назначить встречу через несколько дней, когда все будет готово.

— Ну вот, значит, жди. Он точно поможет.

Еще какое-то время я говорю с Ларисой и прощаюсь, обещая позвонить, если что-то случится или как только будут какие-то новости от Глеба Михайловича.

После разговора с сестрой и ее поддержки мне становится чуточку легче, но где-то глубоко внутри все равно саднит рана: как Андрей мог так измениться? Куда делся тот любя-

щий муж, который был готов ради меня на все?

И главное — что он задумал? Потому что этот его пробирающий до нутра, уверенный тон явно не сулит мне ничего хорошего.

Нет, определенно надо готовиться к войне.

А через пару дней мне наконец-то звонит адвокат, и оказывается, что я как в воду глядела.

Глава 15. (Не)взаимное соглашение

Анна

Я еду к Глебу Михайловичу, и в голове крутятся тысячи мыслей о предстоящей встрече. Нашел ли адвокат какие-то скрытые активы? Какие у него новости для меня?

Припарковавшись у бизнес-центра, я поднимаюсь на двенадцатый этаж. В приемной меня встречает улыбчивая секретарша и сразу проводит в кабинет.

Просторное помещение встречает меня приглушенным светом и запахом кожи и дерева. Массивный стол красного дерева, за ним — огромное панорамное окно с видом на город. Стены отделаны деревянными панелями. Солидно, внушительно — именно так и должен выглядеть кабинет успешного адвоката.

Глеб Михайлович встает мне навстречу, указывает на кожаное кресло напротив своего стола. Я присаживаюсь, расправляя юбку. Сердце почему-то колотится как сумасшедшее.

— Итак, никаких тайных счетов или имущества, о котором вы не знаете, я не нашел, — начинает адвокат. — Только то, что вы перечислили в нашу прошлую встречу. Однако...

Он прокашливается, и у меня внутри все замирает. Что еще?

— Анна, юристы вашего мужа вышли на меня с предло-

жением о взаимном соглашении.

Я непроизвольно приподнимаю бровь. Вот это поворот! После всех угроз и обвинений...

— Они предлагают встретиться уже сегодня, — Глеб Михайлович бросает взгляд на наручные часы, — через час. Как вы на это смотрите?

Я издаю короткий невеселый смешок.

Как я на это смотрю? С подозрением, разумеется.

В памяти всплывает перекошенное от злости лицо Андрея, его слова о том, что я не имею права претендовать на его бизнес. И вдруг такое миролюбие? Что-то здесь не так.

Может, совесть проснулась? Хотя... вряд ли.

— Понимаю ваши сомнения, — мягко говорит Глеб Михайлович, внимательно глядя на меня, — но поговорить с ними стоит. К тому же вы сможете отказаться и довести дело до суда, если вас не устроит предложение мужа.

Внутри все сжимается от нехорошего предчувствия, но отступить уже некуда.

В итоге я медленно киваю и наконец говорю:

— Хорошо. Давайте послушаем, что они предложат.

Через час я уже сижу в конференц-зале рядом с Глебом Михайловичем.

Стены здесь светлые, большой овальный стол из темного дерева занимает почти все пространство.

Я нервно верчу в руках ручку, когда дверь открывается.

Сердце пропускает удар — вместе с двумя незнакомыми

мужчинами в строгих костюмах входит Андрей. Я совершенно не была готова к его появлению.

Он выглядит собранным и уверенным, как всегда безупречно одет. Наши взгляды встречаются, и по спине пробегает холодок.

Они рассаживаются напротив нас.

Андрей специально выбирает место прямо передо мной, и я физически ощущаю тяжесть его взгляда. Стараюсь смотреть куда угодно, только не на него, но это чертовски сложно — он буквально прожигает меня насквозь.

Один из адвокатов — темноволосый мужчина лет сорока — начинает говорить о желании своего клиента урегулировать вопрос в досудебном порядке.

«В интересах обеих сторон прийти к взаимовыгодному соглашению», «избежать длительных судебных разбирательств», «сохранить деловую репутацию»... — слова текут гладко и профессионально.

А я никак не могу сосредоточиться на них, потому что чувствую на себе неотрывный взгляд Андрея.

Наконец адвокат заканчивает с формальностями и озвучивает предложение:

— Вы получите отступные в размере пятисот тысяч рублей, которые будет перечислены на ваш счет.

Я едва сдерживаю нервный смешок. Это что, шутка какая-то, что ли?

— А также вашу машину, — продолжает адвокат, — и

собаку породы маламут по кличке Арс.

Он умолкает, и я таращусь на него в полном шоке. Глеба Михайловича, на которого смотрю мельком, тоже аж пере-
косило.

А как же дом стоимостью в несколько десятков миллио-
нов? А как же бизнес? То, что предлагает Андрей, — это да-
же не жалкая подачка, это... издевательство какое-то!

Я чувствую, как краска заливает лицо, а в груди поднима-
ется волна возмущения.

— Ты устроил встречу только за этим? — бросаю мужу в
сердцах. — Думаешь, я на это соглашусь?!

— Я бы на твоём месте согласился. — Голос Андрея зву-
чит холодно и отстраненно.

— Правда? — не сдерживаю сарказма. — А может, ты ещё
великодушно разрешишь забрать мои вещи из дома? Или это
будет слишком щедро?

— Аня, — в тоне мужа появляются стальные нотки, —
не усложняй. Ты же знаешь, я могу быть очень неприятным
противником.

— Угрожаешь? — подаюсь вперед я. — Что ж, давай. По-
кажи свое истинное лицо. Хотя нет, постой, я его уже вижу!

— Последний раз предлагаю по-хорошему, — он чуть на-
клоняется ко мне через стол.

— Эта твоя жалкая подачка хорошее, что ли? Знаешь что,
Андрей... — Я встаю, чувствуя, как дрожат колени. — Уви-
димся в суде.

Краем глаза замечаю, как Глеб Михайлович одобрительно кивает. Но мне уже все равно, я выхожу из кабинета. Меня трясет от злости и обиды.

Еле дождавшись, пока двери лифта откроются, я вылетаю из здания, едва сдерживая подступающие слезы.

Пятьсот тысяч... Смешно. Дело даже не в деньгах — хотя сумма откровенно оскорбительная, учитывая его нынешнее состояние. А в том, что он специально это сделал, специально меня унизил! Сидел и наблюдал за моей реакцией. Знал ведь, что откажусь, не мог не знать.

Я сажусь в машину, кладу дрожащие руки на руль, и вдруг слышу трель телефона из сумочки.

Достаю ее и вижу на экране лицо Лады.

Считаю до трех, чтобы немного успокоиться, и отвечаю:

— Да, доча.

— Мам, привет. Не занята?

— Нет, что такое?

Лада говорит, и чем дольше, тем больше вытягивается мое лицо.

Глава 16. Ты следишь за моей жизнью?

Анна

— Мам, я только что вышла от гинеколога.

Сердце пропускает удар. В голове мгновенно вспыхивает тревога.

— Что-то случилось?

Повисает короткая пауза. Я знаю, что она встречается с Игорем, мы с ним знакомы, но...

— Лад, ты что... — у меня перехватывает дыхание.

— Нет, мам, я не беременна, если ты об этом, — торопливо отвечает дочка. — Я просто ходила на обследование.

— На обследование? Зачем? Ты заболела?

— Не переживай, со мной все в порядке. Дело совсем в другом.

Я с облегчением выдыхаю:

— А в чем тогда?

— Угадай, кого я там увидела, — в ее голосе появляются странные нотки.

— Дочь, — устало прикрываю глаза я, — у меня только что была серьезная встреча с адвокатом. Прости, но мне сейчас не до загадок. Скажи прямо, кого.

— Любовницу папы! — выпаливает Лада. — Она выходит-

ла из кабинета другого гинеколога. Прикинь? Эта... эта разлучница даже меня не заметила — была слишком занята, щебетала с врачом.

В голове начинает звенеть.

— На что ты намекаешь?

— Мам, я не намекаю, я прямо говорю: она беременна! — с возмущением восклицает дочь. — Эта... эта дрянь беременна от папы!

— С чего ты взяла? — Я из последних сил пытаюсь сохранять самообладание. — Может, она как и ты, ходила по другому поводу...

— Нет! — Лада почти кричит. — Я все слышала. Врач ей сказала: «Все в порядке, плод развивается нормально». Представляешь? Пока он пытается вешать мне и Кате лапшу на уши и обелить себя, она уже носит его ребенка. Я в шоке! Мам? Ма-а-ам? Ты чего молчишь?

Я сжимаю телефон так, что белеют костяшки пальцев. В ушах шумит, в висках бешено стучит пульс.

— Я тут... — еле выдавливаю из себя. — Спасибо, что сказала.

— Мам, ты как? Я знаю, у тебя сегодня еще и встреча была...

— Все нормально, — вру я, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Я... я перезвоню позже, ладно?

Не дожидаясь ответа, я нажимаю отбой и роняю телефон на колени.

Мне не до дальнейших обсуждений.

Мир вокруг кружится. Я судорожно хватаю ртом воздух, но кажется, что в легких его катастрофически не хватает. Обхватив руками руль, я прижимаюсь к нему горящим лбом.

Вот оно что. Теперь мне все понятно.

Вот почему Ника наконец перестала скрываться и организовала нашу встречу, не дожидаясь, пока муж сам сообщит мне правду.

Вот почему Андрей не колеблясь выкинул меня из своей жизни, а теперь пытается оставить меня ни с чем и выгнать из дома.

Он решил, что этот дом и все деньги нужны ему самому, ведь у него будет новая семья. Новый ребенок.

Спустя какое-то время я прихожу в себя, медленно поднимаю голову, и мир вокруг на мгновение плывет перед глазами.

Сквозь лобовое стекло вижу, как из здания выходит Андрей в окружении адвокатов. Эти стервятники в дорогих костюмах пожимают ему руку и уходят, а он остается стоять на ступеньках, доставая телефон. Даже отсюда видно его самодовольную ухмылку, когда он подносит трубку к уху. Может, отчитывается своей драгоценной Нике, как прошла встреча?

Внутри все клоочет от ярости. Слова дочери эхом отдаются в голове, и каждый удар сердца отзывается болью. Двадцать три года брака, которые он готов выбросить на помойку ради молодой любовницы и нового ребенка...

Я до боли стискиваю зубы и решительно берусь за ручку двери. Хватит. Натерпелась. Пусть знает, что я не та женщина, которую можно просто так списать со счетов.

Каблуки стучат по асфальту в такт пульсирующей в висках крови, пока я иду к нему. Он замечает меня, но продолжает говорить по телефону, словно не видит.

— Поздравляю, — слова вырываются хриплым шипением сквозь сжатые зубы.

Андрей неторопливо заканчивает разговор и опускает телефон:

— С чем?

— Ну как же, — чувствую, как дрожит голос от едва сдерживаемой ярости. — С ребенком! Что, почувствовал себя молодым? Новая жизнь, новая жена, новый ребенок... Решил начать с чистого листа в *нашем* доме?

Его лицо вытягивается, а затем он приподнимает бровь с таким высокомерием, что меня начинает подташнивать.

— Ты что, следишь за моей жизнью?

— Я? — из груди рвется горький смех. — Больно надо! У меня есть занятия поинтереснее, чем следить за твоими похождениями.

— Вот и оставь меня и Нику в покое. Тебя это не касается.

— Ну разумеется, — прищуриваюсь, ощущая, как накачивается новая волна гнева. — Скажи мне, с дочками ты поступишь так же? Скажешь, что ничего им не должен? Или, может, тоже предложишь им жалкие подачки и отпустишь

на все четыре стороны?

Его взгляд мгновенно темнеет, лицо искажается от злости:

— Не лезь не в свое дело! С детьми я как-нибудь сам разберусь.

— А что такое? Не нравится слушать правду? — рявкаю я. — А я все равно скажу. Если ты думаешь, что я сдамся и отступлю, ты ошибся. И еще кое-что: не забудь рассказать своему новому ребенку, когда он подрастет, как ты поступил с семьей, которая всегда была с тобой. Пусть он знает правду о том, что собой представляет его отец.

На скулах Андрея начинают ходить желваки, но я не дожидаясь его ответа, разворачиваюсь и иду к машине, бросая через плечо:

— Я даже не подумаю съехать из дома до решения суда, так и знай. Ищи другое гнездышко для своей новой семьи!

Глава 17. Передышка

Анна

Я захожу в дом и клацаю выключателем света.

Эмоции после встречи с Андреем все еще бурлят внутри, но усталость берет свое.

Первым делом я выгружаю продукты в холодильник, а затем поднимаюсь в спальню и достаю из сумки телефон — он полностью разрядился, пока ездила по магазинам.

Подключаю зарядку, и через несколько минут экран загорается.

Не успеваю даже переодеться, как телефон начинает вибрировать: звонит Глеб Михайлович.

— Да, — отвечаю.

— Анна Сергеевна, добрый вечер. Как вы?

— Честно говоря, не очень, Глеб Михайлович, — признаюсь честно.

— Оно и понятно. Я хотел принести свои искренние извинения за сегодняшний день. То, как все прошло, — это, конечно, не то, на что я и вы рассчитывали. Как правило, если супруг готов к взаимному соглашению, то предлагаемые условия обычно такие, которые могут устроить вторую сторону. А тут...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.